навсегда обезпечивали общество отъ потрясающихъ его экономическихъ кризисовъ. Конечный результатъ такого положенія вещей не могъ подлежать сомнѣнію. Это была вполнѣ законченная концепція, при чемъ на сторонѣ соціалистическаго переворота была не только организованная сила городского пролетаріата, но также и *экономическая необходимость* гибели буржуазнаго общества; и вотъ эта именно неустранимая экономическая необходимость составляла дополненіе къ тому недостаточному обоснованію соціалистическаго переворота, которое указывало лишь на ростъ соціалистическаго движенія вмѣстѣ съ ростомъ и развитіемъ капиталистическаго способа производства.

Если бы мы выбросили изъ аргументаціи Ком. Манифеста это ея необходимое звено, т. е. если бы мы допустили, что капитализмъ на всѣхъ ступеняхъ своего развитія обладаетъ возможностью поддерживать извѣстное экономическое равновѣсіе и обезпечивать извѣстную степень устойчивости существующихъ имущественныхъ отношеній, такъ, чтобы производительныя силы, находящіяся въ его рукахъ, уже не оказывались бы «слишкомъ могучими для этихъ отношеній» и не грозили бы чисто-стихійнымъ, самопроизвольно-механическимъ путемъ самому «существованію буржуазной собственности», то въ такомъ случаѣ, съ точки зрѣнія чисто экономическаго обоснованія соціалистическаго переворота, мы неизбѣжно вернулись бы опять къ тому неопредѣленному представленію о двухъ одновременно растущихъ противоположныхъ общественныхъ силахъ, которое не дало бы намъ возможности довести конечные итоги соціалистическаго движенія.

Но спрашивается: не случилось ли какъ разъ этого самаго съ первоначальнымъ старымъ марксизмомъ и съ его теоретическимъ обоснованіемъ соціалистическаго переворота, и не было ли дѣйствительно выброшено изъ него самою жизнью то необходимое звено аргументаціи, о которомъ мы только что говорили? Въ самомъ дѣлѣ, развѣ мы не видимъ, какъ подъ вліяніемъ экономическаго опыта послѣднихъ десятилѣтій идея стихійнаго саморазрушенія, якобы присущаго буржуазному строю, все болѣе и болѣе отступаетъ на второй планъ, все болѣе и болѣе изглаживается изъ представленія о судьбахъ капитализма? Развѣ мы не видимъ, какъ подъ вліяніемъ этого экономическаго опыта, теорія промышленныхъ кризисовъ, какъ источника все усиливающихся общественныхъ катастрофъ, совершенно оставляется въ сторонѣ новѣйшими теоретиками соціалъ-демократической школы? Трудно думать даже, чтобы кому-нибудь изъ нихъ пришло теперь въ голову сравнивать положеніе экономически развитыхъ и успѣшно прогрессирующихъ въ своемъ экономическомъ развитіи странъ съ ареной періодическихъ возвратовъ варварства, голодовокъ и всеобщихъ истребительныхъ войнъ. Эти картины общественныхъ бѣдствій, связанныхъ съ ростомъ капитализма, уже не пугаютъ болѣе

воображенія носителей буржуазной собственности. Положеніе современныхъ обладателей капитала стало гораздо спокойнѣй и устойчивѣй прежняго, вслѣдствіе необычайнаго расширенія размѣровъ самаго капиталистическаго производства и необычайнаго развитія какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ рынковъ—въ силу чего неизбѣжные при этомъ промышленные и торговые кризисы дѣлаются все болѣе и болѣе частичными по отношенію ко всей необъятной области капиталистическаго способа производства и не производятъ общихъ потрясеній въ экономической жизни промышленно развитого государства. Кромѣ того, классъ капиталистовъ все болѣе и болѣе организуется теперь для защиты своихъ общихъ интересовъ и для предотвращенія особенно крупныхъ опасностей экономической анархіи; съ этою цѣлью возникаютъ, какъ извѣстно, не только синдикаты промышленниковъ одной и той же страны, но также и *международные союзы* заводчиковъ и фабрикантовъ одной и той же отрасли производства, какъ, напримѣръ, «Международная федерація хозяевъ бумагопрядильныхъ и ткацкихъ фабрикъ», собиравшаяся въ 1905 г. въ Лондонѣ по случаю ожидаемаго хлопковаго кризиса. Такимъ образомъ, буржуазное общество, вопреки ожиданіямъ 40-хъ годовъ прошлаго вѣка, сумѣло такъ или иначе справиться съ вызванными имъ подземными силами въ интересахъ своего собственнаго мирнаго житія и уже не считаетъ теперь себя живущимъ на вулканической почвѣ, періодически потрясаемой этими подземными силами, точно такъ же, какъ не считаютъ его теперь живущимъ на этой почвѣ и современные теоретики соціалъ-демократической школы.

Разсуждая въ 1899 году о значеніи промышленныхъ кризисовъ во время своей полемики съ Бернштейномъ, Каутскій оспаривалъ даже, чтобы Марксъ и Энгельсъ когда-либо придавали этимъ кризисамъ первостепенное значеніе въ вопросѣ о конечныхъ результатахъ процесса капиталистическаго развитія; онъ говорилъ, что вліяніе экономическихъ кризисовъ лишь второстепеннаго характера, что они лишь «ускоряютъ процессъ концентраціи капитала, увеличиваютъ массы пролетаріевъ и необезпеченность ихъ положенія», но что «конечные результаты этого развитія ни въ чемъ не измѣнились бы, если бы даже періодическіе кризисы не были неизбѣжно связаны съ самымъ существомъ капиталистическаго способа производства» *).

Мы видимъ, слѣдовательно, что одна изъ основныхъ идей Коммун. Манифеста, связывавшая гибель буржуазнаго строя съ разрушительнымъ дѣйствіемъ стихійныхъ экономическихъ силъ, выбрасывается теперь за бортъ новѣйшими теоретиками соціалъ-демократической школы. Оказывается, что промышленные кризисы лишь содѣйствуютъ концентраціи капитала и обостряютъ условія классовой

*) „Bernstein und das sozialdemokratische Programm“, стр. 155.